

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В АСПЕКТЕ ОТНОШЕНИЯ К ЭКСТРЕМИЗМУ

Забарин А.В.

Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, Санкт-Петербургский государственный университет, zavalex@yandex.ru

В статье представлены результаты психолого-политического исследования отношения студенческой молодежи к экстремизму, полученные на выборке 2640 студентов вузов и ссузов Санкт-Петербурга. Представлены результаты психолого-политического исследования отношения студенческой молодежи к экстремизму. Анализируются когнитивный (понимание закона), эмоциональный (отношение к закону) и регулятивный (регуляция поведения в соответствии с требованиями закона) аспекты гражданского правосознания. Выявлены 1) неопределенность понимания экстремизма и противоречивость в оценках кого считать экстремистом, что не способствует формированию нормативного поведения; 2) дифференцированное отношение к экстремистам от злонамеренных преступников до борцов за справедливость; 3) высокий уровень протестной активности на фоне гуманистических ценностей. Разрешение этих противоречий лежит на пути формирования гражданской ответственности молодежи.

Ключевые слова: гражданское правосознание, психология экстремизма, психолого-политическая экспертиза, психология усвоения норм, нормативное поведение.

CIVIL CONSCIOUSNESS OF MODERN RUSSIAN YOUTH IN THE ASPECT OF RELATIONSHIP TO EXTREMISM

Zabarin A.V.

St. Petersburg Institute of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg State University, zavalex@yandex.ru

The paper offers the results of psycho-political examination of students' attitudes toward extremism, made according to a study of 2640 students in universities and colleges in St. Petersburg. Analyzed the cognitive (understanding of the law), the emotional (attitude to the law) and regulatory (regulation of behavior in accordance with the requirements of the law) aspects of civil consciousness. We detected 1) the uncertainty in the understanding of extremism and inconsistency in estimates of who should be considered an extremist that is not conducive to the formation of normative behavior; 2) differential treatment of extremists from malicious criminals to fighters for justice; 3) high level of protest activity against the background of humanistic values. The resolution of these contradictions lies in the formation of civic responsibility in young people.

Keywords: civil consciousness, psychology of extremism, psychological and political expertise, psychology of mastering the norms, normative behavior.

Терминологическое поле понятий «гражданское сознание», «гражданское правосознание», «гражданская социализация», «гражданское поведение» производно в современных социально-психологических, политологических, социологических исследованиях от широкого понимания гражданина в совокупности его правовых, профессиональных и политических ролей, с присущими им ценностями, ожиданиями, стереотипами, установками и т.д. Подобный широкий подход смещает, на наш взгляд, локус исследовательского внимания с центральной проблемы оценки психологического воздействия юридических норм на психическую сферу личности как субъекта прав и свобод, предоставляемых ей государством, и ответственности. Вместе с тем, экспертная оценка представленности юридических норм в гражданском правосознании представляет собой

важнейшую задачу с точки зрения обеспечения как безопасности общества, так и государства [3, 9, 11].

Гражданское правосознание – сознание гражданина, связанное с рефлексией им правовых норм, прав, свобод и обязанностей, которая призвана обеспечить нормативное поведение гражданина в обществе и во взаимодействии с государством. Как и всякое сознание гражданское правосознание включает в себя три составляющих: когнитивную, эмоциональную и регулятивную. Это знание закона, отношение к закону и регуляция поведения в соответствии с требованиями закона.

Когнитивная составляющая гражданского правосознания выражает степень знакомства гражданина с правовыми нормами своего государства. Обязанность за информирование гражданина о законах возложена на государство. Но эффективность правового информирования граждан часто сводится лишь к наличию своевременной официальной публикации в открытых источниках и суммам затрат на реализацию соответствующих государственных программ. Оценка изменений в самом гражданском сознании вследствие публикации очередного нормативного акта и его обсуждения в СМИ, к сожалению, отсутствует. С нашей точки зрения, экспертное исследование гражданского правосознания на предмет усвоения нормативной культуры является одним из важнейших инструментов управления, прогноза и превенции различных форм делинквентного поведения.

Целью исследования являлась оценка психолого-политических факторов, влияющих на отношение к экстремизму студенческой молодежи. Нами была проведена психолого-политическая экспертиза отношения студенческой молодежи к экстремизму и экстремистской деятельности, определяемых Федеральным законом "О противодействии экстремистской деятельности" №114-ФЗ. В качестве объекта исследования нами была выбрана студенческую молодежь, обучающаяся в высших и средних учебных заведениях Санкт-Петербурга¹.

Студенчество традиционно является наиболее социально и политически активной частью общества [10]. И эта социально-политическая активность, как свидетельствуют примеры, начиная с народовольцев и заканчивая сегодняшними молодежными рекрутами ИГИЛ, может приобретать не только протестный, но и откровенно экстремистский и террористический характер. Эмпирическое исследование проводилось методом социально-

¹ Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса, проведенного некоммерческим партнерством «Центр Политических и Психологических Исследований» среди студентов ВУЗов и ССУЗов, расположенных на территории Санкт-Петербурга. Выборка включала все основные группы ВУЗов и ССУЗов по реализуемым в них образовательным программам и организационно-правовым формам. Всего было опрошено 2640 респондентов. (Научный руководитель – А.М. Зимичев, исполнители – А.В. Забарин, С.В. Иванов, А.С. Иванова, А.С. Иванова).

психологического опроса, проводимого на основе разработанной Центром Политических и Психологических исследований (г. Санкт-Петербург) анкеты.

Результаты исследования и их обсуждение

Как показали результаты исследования, сегодняшние студенты в большинстве своем не имеют или имеют размытое представление об экстремизме. Несмотря на то, что данное понятие широко используется СМИ и является непреходящей темой государственных и негосударственных программ гражданского воспитания, но лишь немногим более одной трети участников опроса (37%) на вопрос «Знакомо ли Вам понятие «экстремизм»?» ответили утвердительно и еще пятая часть (21%) «что-то об этом слышала», остальные 42% участников опроса ответили, что они с ним «не знакомы, и не знают, что это такое».

Что означает данный результат? Уход студенчества от тяжеловесных юридических абстракций («меня это не волнует», «я этим не интересуюсь») и самоустранение из политической жизни или отражение коэффициента полезного действия сложившейся практики информирования граждан о законах? Представляется, что здесь присутствуют оба фактора. Если рассматривать этот частный случай не как исключение из правил, а как отражение более общего государственного порядка, то можно предположить и существование более фундаментальной закономерности: граждане живут не по законам, которых в большинстве своем просто не знают, а по понятиям – собственным представлениям о должном [7]. Каковы основания для такого суждения?

Любой закон призван подвести многообразные представления граждан под единый знаменатель, но может ли он выполнять эту функцию, оставаясь неизвестным? Тезис «незнание закона не освобождает от ответственности» удобен для государства. Судья, следователь, нотариус, адвокат в процессуальном порядке обязаны разъяснять гражданам права и обязанности сторон. В остальных же случаях гражданин должен полагаться на себя или прибегать к помощи юристов. Как может гражданин исполнять обязанность соблюдать законы государства, о большинстве из которых он даже не слышал? Можно поставить и более крамольный вопрос: знает ли юрист все правовые нормы государства? Нет, он тоже специализируется в какой-то узкой области права. То есть в данном случае это вопрос не недостатка правовых знаний у отдельного лица, а вопрос организации системы взаимодействия гражданина и государства. В данном случае напрашивается аналогия игры по правилам, в которых одна из сторон не очень сведущая. Более того, правила эти довольно часто изменяются одной из сторон – государством, что опять же ставит вопрос о принципиальной возможности гражданина прогнозировать свое поведение с учетом высокой изменчивости существующей нормативной базы. Естественным выходом из такой тупиковой

ситуации и является то, что не закон является де-факто главным регулятором поведения гражданина.

Но быть информированным о существовании закона и ориентироваться в нем, понимать его смысл – это вещи разные. Что же понимает студенческая молодежь под экстремизмом? Респонденты, признавшиеся в знакомстве с понятием экстремизма, определяли экстремизм как террористическую деятельность, зло, агрессивное поведение, различные формы насилия, крайние формы проявления чего-либо, протестные действия граждан, крайние формы в политической борьбе, крайние формы для достижения своих целей, правонарушения, антигосударственную деятельность, негативное отношение к другим людям, экстрим, выброс адреналина, другое.

При этом, среди студентов в той или иной степени знакомых с понятием «экстремизм», на вопрос об их личном опыте столкновения в их повседневной жизни с проявлениями экстремизма только 16% ответили утвердительно, при этом «никогда с ними не сталкивались» 51% опрошенных. Интересен тот факт, что 33% студенческой молодежи, имеющей, по собственному утверждению, представление об экстремизме, в своей повседневной жизни проявления экстремизма не идентифицируют.

Выбор респондентами данного варианта ответа, с одной стороны, может обозначать банальное желание казаться сведущим, скрытую форму самообмана. С другой стороны, указывать на наличие у студенческой молодежи опыта столкновения с чем-то выходящим, по их мнению, за рамки социальной или правовой нормы, но, при этом, интерпретировать это как экстремизм или как не экстремизм они не могут. Данный факт отражает результат формального освоения знаний студенческой молодежью при отсутствии соответствующего чувственного уровня познания. Само слово слышал, даже часть определения запомнил, но в реальности само обозначаемое им явление не идентифицирую. По сути, в данном случае можно говорить о феномене так называемых фантомных представлений, существующих в массовом сознании обособленно от реальности.

Почему так происходит? Обратимся к психологии усвоения норм. Систему правил, табу ребенок осваивает с помощью родителей на уровне второй сигнальной системы через чувственное подкрепление. С детства ребенок слышит: не трогай грязь, не суй пальцы в рот, не ешь гриб – отравишься. Это первые базовые правила, касающиеся самосохранения. Одновременно его обучают и правилам поведения в сообществе: не плюйся, не показывай на других пальцем, не пачкайся сам и не пачкай других, это некрасиво! Сразу ли ребенок понимает смысл этих слов? Первично для него – это просто слова, которые подкрепляются положительными и отрицательными эмоциями и действиями родителей, воспитателей. Слова, смысл которых пока очень отвлечен в сознании ребенка от действительности. Для

того, чтобы приблизить смысл этих слов к реальности предстоит сформировать у ребенка чувственное, затем инструментальное, аналого-ассоциативное понимание и лишь потом на этой основе выстраивать абстрактное понимание нормы [4].

Процесс понимания нормы на чувственном уровне – это объяснение «почему нельзя»: отравишься, током ударит, некрасиво. Что такое горячо? – недоумевает ребенок до тех пор, пока впервые не обожжется. На основе такого первичного опыта негативных ощущений родители начинают вооружать своих чад уже инструментами оценки наличия признаков опасности в окружающем мире: как можно распознать ядовитый гриб, грязь на руках или электрические провода. Можно ли избежать печального опыта столь болезненных ощущений? Полностью нельзя, но в чем-то можно его преуменьшить. Попробуйте уговорить маленького мальчика не совать пальчик в розетку. Ему нужно много ярких образов, ассоциирующих данную еще не известную опасность с уже знакомыми для него. Это аналого-ассоциативное понимание. И только, пройдя все эти уровни, ребенок постигает, что означают такие абстракции как съедобное, чистое и др.

Более сложной оказывается ситуация, когда ребенок осваивает нормы социального взаимодействия, не имеющие первоначально столь надежного подкрепления как пищевые табу. Социальные нормы должны стать тормозами и регуляторами биологических и социально-биологических потребностей индивида. И здесь в процессе развития ребенка возникает масса индивидуальных вариаций. Но при всех этих различиях для подавляющего большинства тех, кто в принципе способен к усвоению социальных норм, определяющую роль в формировании их гражданского правосознания играют ценности тех субкультур, в которых происходит их социализация. А начинается процесс познания подростком социальных норм все с того же чувственного уровня.

Ничто так не дискредитирует закон, как противоречащая ему практика социальных отношений. Если на чувственном уровне подросток наблюдает за повсеместным обменом аудио, видео, программами, которые вроде бы и называют объектами авторского права. Если большинство его сверстников используют эти объекты без какой-либо оплаты правообладателю. Если никто особо (за небольшими исключениями) за это не ругает. Если на инструментальном уровне подросток понимает, что есть знак защиты авторских прав и лицензионное соглашение с пользователем. Но читает он это соглашение? Как правило, просто отмечает мышкой пункт согласия. Если аналого-ассоциативное понимание подростка выражает идею, что хороший человек, а уж тем более друг, – это тот, кто бесплатно поделится софтом. А в результате и на абстрактном уровне у него складывается понимание, что справедливо, когда правообладателям платят те, у кого достаточно денег (кто не может взломать программу и др.). Во что в этом случае превращается в понимании такого

подростка норма права? В фикцию. Любая юридическая норма, противоречащая устоявшимся ценностям и сложившимся поведенческим практикам, отвергается и наивно полагать, что факт принятия закона автоматически повлечет за собой изменения в ценностях и поведении.

Противоречия между требованиями закона и социальными отношениями могут усугубляться и самой практикой правоприменения. Какая может сформироваться установка в гражданском правосознании в отношении к экстремизму, если применительно к фильму-провокации «Невинность мусульман» российский суд единогласно признал, что это экстремизм, а та же выходка «pussy riot» была квалифицирована судом как хулиганство. Потому что вопрос стал политическим. К какому выводу должен прийти гражданин, наблюдающий и анализирующий подобного рода практику? Что либо в самом законе об экстремизме отсутствуют четкие однозначные критерии, либо правоприменение у нас допускает субъективные отклонения?

Собственно в этом же видится и разгадка причин нигилистического отношения большинства петербургского студенчества к основному институту гражданского общества – правам человека. Собственно сформировавшуюся нормативную правовую культуру мы видим лишь у 29% испытуемых. 59% петербургских студентов считают, что «разговоры о правах человека – не более чем дань моде». Противоречащая возможности реализовать конституционные права практика отношений приводит к тому, что для $\frac{2}{3}$ студенческой молодежи права человека представляют скорей политическую бутафорию, чем реальность.

Второе измерение гражданского правосознания – это аспект отношений, связанных с эмоциональными оценками, чувствами и переживаниями субъекта. В простейшем варианте – это нравятся или не нравятся гражданину конкретные правовые нормы данного государства. Какие эмоции и чувства эти нормы порождают? Отношение к экстремизму является производным от понимания на чувственном уровне «почему нельзя».

Выделение экстремистки настроенной молодежи проводилось по двум критериям. Первый – идентификационный. Это симпатии к экстремистским организациям, вплоть до желания стать их членами. И второй – разделение принципов, которыми часть молодых людей руководствуется в жизненных ситуациях. Практически четверть опрошенных (23%) респондентов, знакомых с понятием «экстремизм», в чем-то их поддерживают, но при этом сами бы не вступили в их ряды. Доля же тех, кто не только их полностью поддерживает, но сам готов вступить в их ряды, составила 4%. Если рассматривать эти показатели в общей выборке студентов, то их значения равны 13% и 3% соответственно.

Отношение к экстремистам в гражданском правосознании студенческой молодежи очень дифференцировано. С одной стороны, пятая часть студенческой молодежи,

считающих, что они знакомы с понятием «экстремизм», рассматривают экстремистов как «злонамеренных преступников» (21%). С другой стороны, противоположный образ экстремистов как «героев, борцов за справедливость» сформирован у 9% респондентов, а экстремистов как «мучеников, отчаявшихся, загнанных обстоятельствами людей» – у 17%. Еще 22% студенческой молодежи воспринимают экстремистов как «безумцев и заблуждающихся людей», а 8% видят в них банальных «авантюристов, думающих о собственной выгоде и славе». Кроме того, 15% респондентов данной группы расценивают экстремизм как очередную оплачиваемую сферу профессиональной деятельности – «наемники, чьи хозяева остаются неизвестны».

В группах, выделенных по критерию «отношение к экстремистским организациям», существенные отличия зафиксированы только по трем показателям. В группе респондентов «полностью поддерживающие деятельность экстремистских организаций» закономерно выше показатель оценки экстремистов как «мужественных, искренних борцов за справедливость» (66%), а ниже – в группе отрицательно относящихся к экстремистским организациям (1%). Кроме того, показатель оценки экстремистов как «отчаявшихся, загнанных обстоятельствами людей» выше в группе респондентов «в чем-то поддерживающих экстремистские организации» (30%), а показатель «заблуждающиеся люди» ниже среди «полностью поддерживающих деятельность экстремистских организаций» (1%).

Считать ли, исходя из полученного результата, что собственно гражданское правосознание сформировано лишь у 21% знакомых с понятием экстремизма петербургского студенчества, воспринимающих и оценивающих образ экстремистов в соответствии с содержанием правовой нормы? Таков на сегодня индикатор эффективности правовой социализации молодежи в отношении экстремистской деятельности, а также индикатор эффективности воздействия СМИ, создающих данный образ. Приведем лишь несколько штрихов из информационного поля оценок напоминающих экстремизм поступков, объясняющих полученный результат: В 2011 году государственную премию в области современного искусства "Инновация" вручили арт-группе «Война». В 2012 году американский журнал «Foreign Policy» включил Н. Толоконникову, Е. Самуцевич и М. Алёхину в число 100 ведущих интеллектуалов мира. В декабре 2012 года французская газета «Le Figaro» выбрала Н. Толоконникову «женщиной года».

Менее выраженные когнитивные противоречия можно уловить в отношении студенческой аудитории к терроризму. Терроризм расценивается как «абсолютное зло, которому не может быть оправдания и с которым нужно вести борьбу до полного уничтожения» подавляющим большинством опрошенных респондентов (77%). Однако при

этом за особый подход к террористам ратует почти $\frac{1}{5}$ часть (19%) студентов Санкт-Петербурга, а 2% вообще полагают, что действия террористов иногда бывают полезными и заслуживают поддержки. Исходя из анализа ответов респондентов, нет оснований ставить знак тождества между отношением к экстремизму и терроризму, хотя определенная взаимосвязь между этими явлениями прослеживается. Так, лишь 52% среди тех, кто «полностью поддерживает экстремистские организации», считают, что идеология терроризма является «абсолютным злом, и террористам нет оправдания, с ними нужно вести борьбу на уничтожение», а доля тех, кто признает, что «действия террористов иногда бывают полезными и заслуживают поддержки» достигает 22%.

Третье измерение гражданского правосознания – это его способность выступать регулятором поведения и деятельности личности на основе сложившейся системы знаний и переживаний субъекта. Способен ли и желает ли гражданин поступать в соответствии с законом? К оценке желания гражданина следовать закону юристы подходят исключительно на языке обязанностей. При этом, формулировка обязанностей гражданина, в отличие от прав, отличается скромностью. Но и обязанности на языке психологии гражданина – это лишь формальные предписания: не должен. Стали ли эти предписания содержанием совести гражданина: «не могу не сделать чего-либо», – вот вопрос. Сформирована ли у гражданина ответственность за выполнение предписаний закона? И здесь возникает противоречие между ответственностью за выполнение предписаний закона и отсутствием знаний или непонимания текста закона. Ответственность человека мы оцениваем по тому, что он знал и обещал и что сделал. А ответственность гражданина – по тому, что и не обещал и не знал, но должен был по неизвестному ему закону сделать?

Нынешняя политическая система отличается явным перекосом в сторону защиты гражданских прав. Но любое право гражданина не может существовать без принятия налагаемой этим правом ответственности. Какое, например, может быть право на неприкосновенность частной жизни в обществе, в котором слухи, сплетни и скандалы вокруг частной жизни являются постоянным сюжетом в СМИ? Если я, как гражданин, воспринимаю частную жизнь другого не как табу, а как естественную обычную тему для обсуждения, во что превращается право на неприкосновенность частной жизни? Если я, как гражданин, позволяю себе использовать нелицеприятные эпитеты для характеристики людей, которые мне не нравятся, во что превращается право на защиту от оскорблений? Если я, как гражданин, отличаюсь толерантным отношением к разным формам злоупотреблений собственным здоровьем и здоровьем своих близких, во что превращается право на безопасность? В этой связи представляется важным для обеспечения равновесия дополнить

существующий институт правозащитников институтом обеспечения гражданской ответственности.

Какую же ответственность за выполнение норм закона готова брать на себя студенческая молодежь? Ответ на этот вопрос опирается помимо личностных качеств самой молодежи в соответствии шкалы ценностей общества и шкалы ценностей законодателей, в оценку авторитета власти, а также в представление гражданина об эффективности использования легитимного насилия со стороны государства. Показательно в этом плане распределение ответов относительно готовности подчинения «несправедливому закону». К правовой лояльности, к принятию на себя ответственности за выполнение требований закона государства, который субъективно оценивается как несправедливый, однозначно склоняется лишь 13% опрошенных респондентов. Почти две трети опрошенных респондентов (62%) придерживается противоположного мнения. При этом четверть опрошенных не смогли определиться в своем отношении. Более высокий уровень правовой лояльности демонстрируют респонденты (17%), отрицательно относящиеся к деятельности экстремистских организаций, а более низкий – сторонников данных организаций (9%). Позволяет ли полученный результат утверждать об отсутствии гражданского общества в России? Если мы будем исходить из формального критерия соответствия законности (*dura lex, sed lex*), придется отвечать на этот вопрос утвердительно. Но если мы обратимся к анализу сущностных характеристик петербургского студенчества как представителей гражданского общества, то можем констатировать:

Во-первых, налицо сформированная гражданская мотивация, то есть наличие возможности и желания участвовать в общественно-политической жизни, посредством влияния на власть, положение дел в стране, в регионе и т.д. Современное петербургское студенчество в аспекте желания влиять на власть условно можно разделить на две группы: 1) тех, кто в качестве намерений демонстрируют относительно высокий уровень гражданской активности, их по результатам опроса более половины опрошенных (57%); и тех, кто либо выражает индифферентность, либо пассивность своих гражданских позиций. Соответственно доля первых составляет 20%, доля вторых – 23%. В группах, выделенных по критерию «отношение к экстремистским организациям» наибольшую гражданскую активность демонстрируют «полностью поддерживающие экстремистские организации», тогда как более индифферентны и пассивны в этом вопросе респонденты, кто также относится к деятельности экстремистских организаций.

Во-вторых, наличие гражданского целеполагания как активной заинтересованности петербургской молодежи в социально-экономическом и политическом будущем России. Большинство опрошенных респондентов (52%) в целом лояльно относятся к сегодняшней

политической системе, при этом «сторонниками сегодняшней политической системы являются 5% опрошенных, а 47% считают, что недостатки в политической системе есть, но их можно преодолеть путем реформ. Доля выступающих за срочное изменение политической системы, составляет 29%. Оставшиеся 18% опрошенных относятся к группе «индифферентных». Это также типичная для любого общества группа с идеологией абсентеизма.

В-третьих, наличие гражданского протестного поведения. Мы видим, что сегодняшняя молодежь стремится активно самоопределиться в информационном и политическом пространстве. В рамках данного исследования были использованы два критерия оценки уровня протестной активности студенческой молодежи: «опыт участия в различных акциях протеста» и «готовность к участию в акциях протеста».

Анализ результатов исследования показал, что на момент проведения опроса студенты демонстрируют достаточно высокий уровень протестной активности. Как по первому показателю, где каждый пятый респондент уже имел опыт участия в различного рода акциях протеста, так и по второму, где в зависимости от тех или иных причин 44% не исключают для себя возможности принять участие в акциях протеста. В группах, выделенных по критерию «отношение к экстремистским организациям», как по первому, так и по второму показателю наибольший уровень протестной активности демонстрируют респонденты «полностью поддерживающие экстремистские организации». Так, среди них уже имели опыт участия в подобных акциях 67% опрошенных и 61% респондентов «безусловно, приняли бы в них участие».

В-четвертых, наличие гражданской культуры как неписанного духа законов, по которым живет гражданское общество. Шкала ценностей, в которых оценивает действительность петербургская молодежь, достаточно гуманистична. Для подавляющего числа студенческой молодежи (76%) жизнь человека является «главной ценностью в этом мире». Представляется, что этот оптимистичный, жизнеутверждающий и внушающий надежду в будущее результат, должен рассматриваться как некая отправная точка, противостоящая попыткам огульного обвинения современной молодежи во всех ультрарадикальных позициях и настроениях. Собственно зону риска представляют с этих позиций – 17%, из которых наиболее крайнюю позицию занимают 9%. Но и эту часть молодежной выборки, безусловно, нельзя представлять под ярлыком угрозы для всех окружающих. Для кого-то этот жизненный принцип является воплощением идеи жертвенности во имя чего-то высшего, навеянной религиозными мотивами, для кого-то – возможности пожертвовать малым во имя спасения большого. Веер идей здесь может быть очень пестрым.

Из первого названного принципа органично вытекает и табу на причинение другому боли, даже при наличии уверенности в своей правоте. Такое табу сформировано фактически у $\frac{2}{3}$ петербургских студентов (64%), при этом практически треть опрошенных (30%) готовы утверждать правду с использованием насилия. Из них для 10% такая позиция является абсолютно естественной.

Оценка насилия как метода политической борьбы свидетельствует о его неприемлемости для подавляющего большинства петербургской студенческой молодежи., отрицательно относится к таким формам политической борьбы половина опрошенных респондентов (51%) и еще 17% не смогли определиться в своем отношении. Исходя из анализа ответов респондентов, поддерживающих использование насильственных методов при ведении политической борьбы, только 5% молодежи допускает их использования для реализации своих политических целей и установок, тогда как 30% исходят из мотивации для восстановления поправных прав и социально-экономической безопасности.

Позитивным показателем гражданского правосознания петербургского студенчества можно считать и то, что почти две трети (62%) петербургских студентов относит себя к сторонникам демократической системы, но среди них все же 34% выступают за подкрепление ее властью сильного лидера. Доля сторонников диктатуры составляет 5% опрошенных. Хотя в отношении «предпочтения типа государственно-политической системы» доля тех, кто никогда не задумывался об этом, составляет 33%.

К проблемным зонам гражданского правосознания петербургского студенчества следует отнести несформированность культуры продуктивного решения споров, разногласий, отсутствие культуры компромисса. В чем-то это, безусловно, возрастные особенности. Культура решения споров с поиском компромисса сформирована в той или иной мере лишь у 22% молодежи, тогда как склонны решать вопросы путем нажима, силовым путем 73% современной студенческой молодежи. Доминирует у петербургской студенческой молодежи и стратегия «идти к цели кратчайшим путем». Ее придерживаются 64% студентов. По всей видимости, здесь можно говорить о сформировавшейся культуре прагматизма и, прежде всего, экономического. Прагматизма, увы, не осложненного ориентацией на отношения с другими людьми – того, что некогда было отличительной чертой традиционной русской культуры.

Насколько обозначенные позитивные и проблемные зоны гражданского правосознания и гражданской культуры петербургских студентов являются препятствием развития экстремизма – вопрос крайне непростой, поскольку связи здесь не линейные. С одной стороны, наличие развитого института гражданского общества является сдерживающим фактором распространения экстремистских настроений [13], с другой

стороны, его становлению всегда сопутствует высокая протестная активность, выражаемая, в том числе и экстремистскими проявлениями. Несмотря на высокий показатель политической лояльности, в структуре политических настроений студенческой молодежи, имеются предпосылки для поддержки радикальных политических течений [12], что является одним из факторов, влияющим на распространение экстремистских установок в студенческой среде. Кроме того, зафиксированный относительно высокий уровень индифферентного отношения студенческой молодежи к политическим процессам в стране также является негативным фактором, уменьшающим уровень влияния сдерживающих факторов роста экстремистских проявлений.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии когнитивного диссонанса, переживаемого рядом петербургских студентов в оценке сегодняшней социально-политической реальности. Диссонанса, в силу которого представитель нового поколения начинает одновременно причислять себя к сторонникам экстремистских организаций и принципов, и демонстрировать на уровне убеждений свою приверженность демократическим ценностям, правам и свободам человека, реформам и эволюционным преобразованиям, неспособностью причинить другому боль. И, наоборот, не сторонникам и активным противникам экстремизма вполне удастся сочетать такую позицию с требованием радикальных изменений политической системы, участием в акциях социальных протестов, отрицанием жизни человека как главной ценности, готовностью идти к цели кратчайшим путем, склонностью решать вопросы путем нажима, силовым путем, а не идти на компромисс, способностью причинить другому боль при уверенности в своей правоте и другими установками, которые традиционно отождествляются в общественном мнении с проявлениями экстремизма. Произошло смешение эталонов под воздействием разнонаправленных интерпретаций социальных норм. Как следствие, даже оценка убийства с целью запугивания (терроризма) стала для кого-то выражением геройства и особого отношения. Сознание определенной части студенческой молодежи стало отражением различных информационных фантомов. Отсюда оторванные от реальности представления и сочетания несочетаемого.

Способность человека видеть за словами реальную действительность, основанную на тесной связи первой и второй сигнальных систем, А.Л. Вассоевич очень метко назвал психической ориентацией на реальность [1]. Разрыв связи между первой и второй сигнальными системами лежит в основе психической ориентации на имя: «Назвался груздем – полезай в кузов». Какая из этих психических ориентаций характеризует российскую молодежь? Способен ли молодой российский гражданин в противоречивых информационных потоках СМИ различать имя и реальность?

В современном информационном обществе реальность (факты) начинают активно подменяться именами (имиджами). Можно полностью согласиться с мнением Д.Ф. Мезенцева о том, что 21 век стал веком информационных фантомов [5]. Реальной ли была угроза демократическим ценностям? Реальным ли было спасение других людей? Реальной ли была защита прав? Конструирование информационных фантомов в ответ на эти вопросы становится предметом перманентных психологических войн [2,8]. Факты терроризма психологическая война начала подменять декорациями имиджей борцов за свободу и демократию. Расплатой за подобные войны становится экстремизм и фанатизм со стороны граждан, имеющих психическую ориентацию на имя. И правовой нигилизм, со стороны граждан, имеющих психическую ориентацию на реальность [6].

Заключение

Проведенный нами анализ факторов формирования гражданского правосознания позволяет сделать следующие выводы:

1. Исследование когнитивного аспекта гражданского правосознания выявило размытость и неопределенность понимания студенческой молодежью феномена экстремизма. Выявлен феномен когнитивного диссонанса, переживаемого рядом петербургских студентов в оценке экстремизма, отражающий игру смыслов на поле публичной политики вокруг споров о том, кого считать экстремистом. Такое понимание экстремизма студенчеством не способствует формированию действенной практики нормативного поведения. Закон должен быть известен и понятен для гражданина. Понятность закона – наличие в нем объективных критериев, не позволяющих осуществлять его произвольное толкование.

2. Эмоциональный аспект гражданского правосознания студенческой молодежи демонстрирует картину очень дифференцированного отношения к экстремистам от злонамеренных преступников до героев и борцов за справедливость. Полученный результат, как представляется, убедительно доказывает, что сам факт принятия закона не влечет автоматически изменений в гражданском сознании. Правомерность тезиса о том, что несколько показательных наказаний способны вызвать соответствующие изменения также относительна. В данном случае забывают об обратной стороне: дискредитация в общественном сознании закона и принявших его законодателей на основе сложившейся правоприменительной практики. Закон, с точки зрения психологии, это представление человека о должном. Пока это представление о должном не сформировано, пока гражданин не воспринимает и не относится к положениям закона именно как к должному, нет и закона в психологическом смысле. Закона, который действительно и действенно, а не формально, регулирует поведение гражданина. В условиях плюрализма версий того, что такое хорошо и

что такое плохо, невозможно сформировать культуру уважения гражданина к закону. Необходимо установить соответствие между шкалой ценностей граждан, шкалой ценностей СМИ и шкалой ценностей законодателей. Успешность гражданско-правовой социализации современной молодежи во многом зависит от того, насколько удастся сформировать общую гражданскую культуру с едиными образцами нормативного и ненормативного поведения.

3. Изучение регулятивного аспекта гражданского самосознания Санкт-Петербургского студенчества показывает достаточно высокий уровень протестной активности на фоне гуманистических ценностей. Как следствие, политическое самоопределение определенной части студенчества, выходит за рамки правового поля, вписываясь при этом в рамки ценностей студенческой среды. Представляется, что разрешение этого противоречия лежит на пути формирования гражданской ответственности студенческой молодежи. Гражданские права не могут существовать без гражданских обязанностей и без формирования гражданской ответственности, связанной с реализацией этих прав.

Публикация подготовлена в рамках поддержанных РГНФ (№ -14-06-00719/14) научных проектов.

Список литературы

1. Вассоевич А.Л. Духовный мир народов Классического Востока. СПб.: Алетейя, 1998. – 542 с.
2. Дейнека О.С., Забарин А.В. Психолого-политические основания группового деструктивного поведения // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №6; <http://www.science-education.ru/120-15837>.
3. Довнар Н.Н. СМИ и экстремизм: проблемы оценки материалов экстремистской направленности // Право и политика. 2015. - №3. - С.1074-1083.
4. Зимичев А.М. Психология политической борьбы. СПб.: Санта, 1993. -160с.
5. Мезенцев Д.Ф. Психологическое воздействие информационных фантомов // Вестник политической психологии. 2002. - №2 (3) – С. 28-31.
6. Мезенцев Д.Ф., Забарин А.В., Зимичев А.М. Психологические основания обеспечения геополитической безопасности // Геополитика и безопасность. 2014. - №2(26) – С.98-105.
7. Мезенцев Д.Ф., Забарин А.В. Психолого-политические модели взаимодействия гражданина и государства // Современные проблемы науки и образования. – 2014. - №2; <http://www.science-education.ru/116-12952>.
8. Мельник Г.С., Мисонжников Б.Я. Политический текст в условиях коммуникативной трансгрессии // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2015. - №3. – С.102-108.

9. Муращенкова Н.В. Социальные представления молодежи об экстремизме // Национальная безопасность / nota bene/ 2015. - №1. – С.123-145.
10. Олесич Н.Я. Политико-психологические основания молодежного политического экстремизма: Исторический аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2009. Выпуск 4. - С.183-188.
11. Панфилова Ю.С. Экстремизм в виртуальной среде как социальная проблема: отражение в сознании молодежи // Альманах современной науки и образования. 2014. - №9. - С.101-104.
12. Сергейчик С.И. Факторы гражданской социализации учащейся молодежи. // Социологические исследования. 2002. - № 5. - С. 107-111.
13. Профилактика экстремизма в молодежной среде. Проблемы и решения // Под редакцией М.В. Паромоновой. Иркутск, 2012. – 84 с.

Рецензенты:

Зимичев А.М., д.псх.н., профессор, профессор кафедры общей психологии ЧОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт психологии и акмеологии», г. Санкт-Петербург;

Марченко Г.В., д.и.н., профессор, профессор кафедры психологии служебной деятельности Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД РФ, г. Санкт-Петербург.